

Н.В. Ремезов

**Очерки из жизни дикой
Башкирии. Переселенческая
эпопея**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.В. Ремезов**
Очерки из жизни дикой Башкирии. Переселенческая эпопея / Н.В. Ремезов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 263 с.

ISBN 978-5-458-01286-7

ISBN 978-5-458-01286-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Много писалось и еще болѣе говорилось у насъ въ послѣдніе годы по поводу переселенческаго вопроса, причѣмъ писалось и говорилось въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Одни видѣли въ правильной постановкѣ переселенческаго дѣла универсальную панацею противъ дающаго себя все болѣе и болѣе чувствовать экономическаго упадка нашего сельскаго населенія, другіе относились къ переселенческому вопросу съ полнымъ скептицизмомъ, не признавая за нимъ никакого жизненнаго значенія и даже предсказывая вредныя послѣдствія, которыхъ можно будто бы ожидать отъ общаго хода народно-экономической жизни, отъ покровительственной политики правительства въ дѣлѣ поддержки и организаціи переселенческаго движенія.

Нельзя съ другой стороны не сознаться и въ томъ, что, несмотря на относительно обширную литературу, образовавшуюся у насъ въ области переселенческаго вопроса, самый вопросъ все еще остается весьма слабо разработаннымъ даже въ самомъ принципѣ своемъ, не говоря уже о практическомъ примѣненіи его въ предѣлахъ тѣхъ или другихъ условій мѣста, времени и обстоятельствъ. Между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ. Переселенческое движеніе—это колоссальное *Drang nach Osten* русскаго народа—усиливается съ каждымъ годомъ и, въ теченіе лѣта, цѣлые поѣзда желѣзныхъ дорогъ ежедневно выбрасываютъ за Волгу избытокъ населенія изъ густо населенныхъ центральныхъ черноземныхъ губерній Россіи. Такимъ образомъ, пока наши

публицисты ломают перья надъ принципиальнымъ признаніемъ или непризнаніемъ права гражданства за переселенческимъ „*вопросомъ*“, — самый „*вопросъ*“ этотъ рѣзко выдвинуть жизнью и настоятельно требуетъ правильной постановки, надлежащей регламентаціи, требуетъ вниманія и содѣйствія себѣ со стороны закона, правительства и общества.

Итакъ, съ переселенческимъ „*вопросомъ*“ приходится считаться, какъ съ *совершившимся фактомъ*. Вотъ почему всякое новое слово въ сферѣ этого вопроса, конечно по отношенію къ его практическому осуществленію, въ высшей степени желательно. Не менѣе желательно и всякое указаніе на тѣ или другія практическія стороны переселенческаго дѣла, равно какъ и указанія чисто-историческаго характера, причемъ въ высшей степени странно было бы стѣсняться ошибками, заблужденіями, которыя легко могли быть допущены въ постановкѣ этого новаго у насъ (по крайней мѣрѣ официально) дѣла. Указаніе опыта — неопѣненный факторъ въ правильной постановкѣ всякаго дѣла, а тѣмъ болѣе дѣла переселенческаго, въ которомъ ставится на карту благосостояніе многихъ семей, цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, пожалуй даже благосостояніе цѣлаго края.

Если читатель не остановится предъ нѣкоторою сухостью книги, обусловливаемою самымъ предметомъ изложенія, онъ вынесетъ несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что переселенческое дѣло менѣе всего выносить рамки сухого канцелярскаго формализма, о который не разъ уже разбивались лучшія начинанія нашей внутренней политики, что переселенческое дѣло — *дѣло живое* и, какъ таковое, требуетъ для своего регулированія *живаго участія*, проникнутаго полнымъ сознаніемъ важности, жизненности дѣла.

Живое дѣло не можетъ быть заключено въ *мертвыя* формы. Вотъ эпитафій, который ставится во главѣ этой книги.

I.

Общее положеніе переселенцевъ.

Вступленіе.

Переселенческое движеніе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается и, несмотря на то, что стало теперь уже обыкновеннымъ явленіемъ, еще до сихъ поръ не получило право гражданства. Какъ ни игнорировали это явленіе нашей внутренней жизни, а съ нимъ въ концѣ концовъ все-таки приходится считаться.

Печать въ этомъ важномъ вопросѣ занимаетъ весьма видное значеніе и отвоевала себѣ весьма почетное мѣсто. Безпрерывно въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ на столбцахъ ея посвящается цѣлый рядъ статей, освѣщающихъ переселенческой вопросъ, она сообщаетъ массу теоритическихъ свѣдѣній и разсужденій. Корреспонденты ея ежегодно съ наступленіемъ весны и лѣта шлютъ свои наблюденія надъ частными проявленіями переселенческаго движенія, все болѣе наполняя литературу фактами.

Правительство предпринимаетъ также рядъ теоретическихъ мѣръ: собираетъ „свѣдущихъ людей“, образовываетъ „переселенческую комиссію“, учреждаетъ „переселенческія конторы“, но самыми важными практическими мѣрами нужно назвать учрежденіе „Крестьянскаго Поземельнаго банка“ и „Отдѣлъ по устройству переселенцевъ въ Сибири“.

Ученые и публицисты пишутъ рядъ обстоятельныхъ статей,

знакомъ съ переселенческимъ дѣломъ общество. Изъ нихъ болѣе выдающіеся—Ядринцевъ, Янсонъ, Никольскій, Абрамовъ, Г. И. Успенскій, Шелгуновъ и другіе.

Земства, ученые и сельско-хозяйственныя общества, обсуждая переселенческій вопросъ, возбуждаютъ разныя ходатайства предъ правительствомъ.

Земскіе статистики дѣлаютъ обстоятельныя изслѣдованія на мѣстѣ и знакомятъ съ переселеніями фактически.

Но, несмотря на всю важность переселенческаго вопроса, пріобрѣвшаго въ настоящее время государственное значеніе, несмотря на усилія печати, ученыхъ, земствъ и изслѣдователей, этотъ предметъ еще далеко, очень далеко не исчерпанъ и не изслѣдованъ въ той ширинѣ, какъ бы сего слѣдовало ожидать. Наша литература по этому вопросу все-таки сравнительно бѣдна, а въ области практическихъ примѣненій сдѣлано и того меньше.

Изъ литературныхъ выдающихся серьезныхъ трудовъ, каковыми я называю только обстоятельныя изслѣдованія, можно указать лишь на два. На книгу г. Романова, бывшаго статистика Вятскаго земства: „Переселеніе крестьянъ Вятской губерніи“⁶. Но и этотъ трудъ, при всей своей солидности и значеніи, какъ построенный главнымъ образомъ на официальныхъ данныхъ, касается во первыхъ, только переселенія *мертвыхъ ревизскихъ душъ* и по нему можно судить только приблизительно о дѣйствительномъ, живомъ, наличномъ количествѣ переселеній, а во вторыхъ, рассматривая такую губернію, изъ которой идетъ только выселеніе крестьянъ и въ коей внутреннее переселеніе крайне ничтожно, освѣщаетъ одну сторону переселенческаго вопроса—*выселеніе* изъ прежнихъ мѣстъ жительства.

И второе изслѣдованіе „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи“ г. Григорьева, тоже бывшаго статистика Рязанскаго земства. Хотя этотъ трудъ и касается вопроса только одной стороны, т. е. стороны выселеній, и изучаетъ только нѣсколько уѣздовъ сказанной губерніи, то нельзя не указать на его жи-

вое изложение и сообщеніе весьма обстоятельныхъ свѣдѣній, касающихся не мертвыхъ ревизскихъ душъ, а дѣйствительнаго *живаго* количества переселенцевъ. Здѣсь особенно важно то обстоятельство, что оно построено на фактахъ, добытыхъ на мѣстахъ путемъ опроса самихъ переселенцевъ, ихъ родственниковъ или однодеревенцевъ, а не изъ мертвыхъ бумажныхъ источниковъ разныхъ канцелярій. И, наконецъ, собраніе, разработка и выясненіе причинъ переселеній сдѣланы настолько добросовѣстно, *фактично*, чѣмъ вообще отличаются всѣ земскія статистическія работы, но сюда вложено столько личной любви къ дѣлу, что трудъ г. Григорьева можетъ служить прекраснымъ образцомъ и для другихъ подобныхъ изслѣдованій. Хотя мѣста *выселеній* частію и изслѣдованы и общество знакомо съ ними, но одинаково важная другая сторона переселеній—*заселеніе* на новыхъ мѣстахъ и условія этихъ заселеній—остаются еще неизвѣстными и неизслѣдованными.

Какъ уже извѣстно, переселенческое движеніе захватило собою громадный районъ внутренней Россіи и направляется на югъ и востокъ Европейской Россіи, а также на Кавказъ, въ Туркестанскія степи и Сибирь. Все это такія мѣста, которыя во всѣхъ отношеніяхъ разнообразятся между собою и каждое изъ нихъ имѣетъ свои условія, почему болѣе подробное изслѣдованіе ихъ представляло бы громадный интересъ.

Нѣкоторыя благопріятныя условія *) дали мнѣ возможность собрать часть матеріала о поселеніи крестьянъ въ Уфимской губерніи, которая занимаетъ довольно видную площадь на Уралѣ, и я попытаюсь теперь освѣтить другую сторону переселенческаго вопроса, пополнивъ такимъ образомъ изслѣдованія переселеній, хотя сознаюсь, что располагаю не особенно полнымъ матеріаломъ, почему и самый трудъ мой не будетъ

*) Эти благопріятныя условія слѣдующія: служба въ губернскомъ земствѣ по учету земель, по оцѣнѣ ихъ и занятія въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи по изслѣдованію башкирскихъ лачъ и специально по собиранію свѣдѣній о переселенцахъ, по иниціативѣ бывшаго губернатора Щепкина, для сенатора Ковалевскаго.

такъ полонъ и будетъ охватывать вопросъ не такъ разносторонне, какъ-то было-бы желательно.

Несмотря на то, что собранный матеріалъ относится въ веснѣ и лѣту 1881 и 82 годовъ, я думаю, что онъ еще до сихъ поръ не утратилъ своего значенія, а при неизмѣннй матеріаловъ соответствующихъ настоящему времени, полагаю, что не утратилъ и своего интереса, хотя, само собою разумѣется, многое уже измѣнилось.

Въ настоящемъ изложеніи я ставлю себѣ задачею выяснить только *общее положеніе* переселенцевъ и юридическое право ихъ, а также отношеніе къ нимъ землевладѣльцевъ, администраціи и суда, и кромѣ того частію указать и на внутренній бытъ ихъ.

Болѣе подробные матеріалы по переселеніямъ обнимаютъ собою части двухъ уѣздовъ: Уфимскаго и Стерлитамакскаго. Въ первомъ по правую сторону рѣки Бѣлой, по рр. Уфѣ, Усѣ и Симу, во волостяхъ: Урмань-Кудейской, Булекей-Кудейской, Надеждинской, Богородской, Ногаевской и Архангельской, а во второмъ—отъ границы Уфимскаго уѣзда, по обѣ стороны рѣки Бѣлой, въ волостяхъ: Дувань-Табынской, Кармаскалинской, Архангельской и Бишкаиновской. Этотъ районъ представляетъ наибольшее заселеніе и составляетъ какъ бы центръ колонизаціи за послѣднія 20 лѣтъ и преимущественно переселенцами изъ Вятской губерніи. Но къ наиболѣе заселеннымъ переселенцами мѣстностямъ Уфимской губерніи нужно отнести также и мѣста по рр. Макатавлѣ, Ашкадару, Куганаку и Стерлѣ, Стерлитамакскаго уѣзда, расположенныхъ по лѣвую сторону рѣки Бѣлой въ степной мѣстности, гдѣ преимущественно поселились крестьяне изъ внутреннихъ губерній и на сѣверѣ Бирскаго уѣзда, возлѣ селъ Аскина и Сарсь. Въ другихъ же уѣздахъ губерніи поселки переселенцевъ такъ не группируются и разбросаны одинъ отъ другаго по всей площади. Но и эти мѣстности также имѣлись въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи. Такъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ переселенцы болѣе селятся въ верховьяхъ рѣки Ика

и южнѣе города, а также и въ сѣверо-западномъ его углу; въ Златоустовскомъ же—преимущественно по рѣкѣ Юрюзани.

Въ восточной же части Стерлитамакского, Уфимскаго и Златоустовскаго уѣздовъ, а также частію и Бирскаго, въ мѣстности, гдѣ проходитъ Уральскій хребетъ съ отрогами покрытыми лѣсами, находящимися во владѣніи преимущественно горнозаводчиковъ, переселенцевъ нѣтъ, да они здѣсь по естественнымъ причинамъ: каменистой почвѣ, холодному климату, неудобному для культуры хлѣбовъ, и отсутствію при чрезвычайно маломъ населеніи, путей сообщенія,—никогда и не будутъ. Въ составъ же цѣлаго уѣзда почти не имѣетъ переселенцевъ только Мензелинскій. Впрочемъ и здѣсь есть, но очень ничтожное сравнительно число, около ста душъ, и такъ разбросаны по всему его протяженію, что незамѣтны. Официально же всего сюда перечислено 14 душъ. Что же касается до переселеній въ немъ среди башкирскихъ дачъ, при размежеваніи башкирскихъ припущенниковъ, то это мною не относится къ переселеніямъ въ томъ смыслѣ, какъ это здѣсь понимается. Такія передвиженія *старожилонъ* совершаются не далѣе 10—15 верстъ изъ деревень со смѣшаннымъ населеніемъ вотчинниковъ, мещераковъ и государственныхъ крестьянъ. Причина незначительнаго числа переселеній *извонъ* въ этомъ уѣздѣ состоитъ въ томъ, что въ немъ не только нѣтъ свободныхъ земель, но даже для кореннаго населенія ощущается большой недостатокъ, вызвавшій выселеніе въ Сибирь и другіе уѣзды.

Также къ числу внутреннихъ переселеній нужно отнести и вторичныя переселенія крестьянъ-переселенцевъ, которые бывають двухъ родовъ: отдѣльными семьями—довольно распространенное—и цѣлыми починками. Но какъ тѣ, такъ и другія носятъ частный характеръ. Изъ вторичныхъ переселеній цѣлыми починками было въ губерніи только четыре случая. Такъ въ Булекей-Кудейской волости починокъ Сергѣевскій, населенный старовѣрами, поселившись вначалѣ на землѣ Морозова, переселился за 10 верстъ въ починокъ Никольскій,

состоящей исключительно из старовѣровъ, собравшихся съ разныхъ концовъ Россіи; причина передвиженія заключается въ томъ, что по другую сторону рѣчки у починокъ Сергѣевского поселился починокъ Маркеловскій, нынѣ село, населенный православными, которые смотрѣли на старовѣровъ недружелюбно и желали ихъ вытѣснить. Второй починокъ—Сорвинскій, на землѣ Заварицкаго, въ той же волости, поселился по разнымъ другимъ починокъ потому, что поселившись „на отшибѣ“ отъ другихъ; зимой невозможно было выѣзжать на торную дорогу, такъ какъ ихъ заваливало снѣгомъ и мужики выбивались изъ силъ послѣ каждаго „бурана“ или „снѣговала“, „торивши дорогу“; послѣ трехлѣтней „маяты“ они бросили всѣ постройки и разбрелись. Третій починокъ—Волковскій, на землѣ Волкова — поселился вначалѣ на купленной у башкиръ землѣ; но когда землевладѣлецъ приобрѣлъ себѣ черезъ размежеваніе еще 800 дес. отъ переселенцевъ, то крестьянъ вытѣснилъ съ прежняго мѣста и они поселились на отрѣзѣ, версты за четыре. Четвертый починокъ — Нижне-Аремный-Пановскій, въ Бирскомъ уѣздѣ, на землѣ Тороторова, оставивъ разработанныя пашни и постройки, переселился въ другое мѣсто. Причина заключалась здѣсь въ томъ, что купецъ-владѣлецъ, разсердившись на нихъ, „прогналъ“ съ своей земли.

Г л а в а I.

Колонизація здѣсь началась очень давно, еще съ конца XVI вѣка, во времена Грознаго, тогда только-что присоединенной къ Россіи провинціи, известной подъ именемъ *Башкирии*, и съ тѣхъ поръ, почти непрерывно, продолжается и по настоящее время. Эта колонизація распадается на нѣсколько періодовъ, имѣющихъ каждый свой особый характеръ. Начавшись съ цѣлю политической, съ созданиемъ въ краѣ русскаго осѣдлаго населенія и съ распространениемъ русскаго

элемента, колонизація переживаєть потомъ двѣ свои эпохи: *свободнаго* переселенія и *насилъственнаго*. Обѣ они вначалѣ имѣли значеніе также политическое и поощрялись правительствомъ, а потомъ обратились въ простое—экономическое. Свободную колонизацію составляли какъ русское населеніе, такъ и инородцы, уходившіе въ этотъ просторный и дикій край. Сюда стекались бѣглецы изъ царства Казанскаго, черемисы, вотяки и другіе, а также русскіе сектанты; селились здѣсь въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ никто не вѣдалъ о ихъ пребываніи. Впослѣдствіи правительство стало даже поощрять эту колонизацію, давать разныя льготы, въ особенности послѣ возстаній башкиръ, какіе здѣсь повторялись очень часто. Когда же колонизація слишкомъ усиливалась и башкиры терпѣли отъ захватовъ ихъ земель разныя лишенія и неудобства и жаловались, правительство запрещало переселенія. Такъ было нѣсколько разъ. Однако переселенія въ губернію не останавливались и, съ теченіемъ времени, число прибывающихъ все увеличивалось. Цѣлю послѣднихъ было уже не исканіе свободы отъ преслѣдованія ихъ, а преобладала чисто-экономическая сторона: свобода въ послѣднемъ смыслѣ, просторъ и всѣ удобства къ жизни—играли здѣсь главную роль.

Насилъственная же колонизація создавалась и развивалась уфимскими помѣщиками, заселявшими „пустопорожнія земли“ и „дикія поля“ крѣпостными своими крестьянами внутреннихъ губерній Россіи. Съ созданіемъ крѣпостнаго права и съ развитіемъ его, какъ извѣстно, только одни уже помѣщики имѣли право на свободное передвиженіе своихъ крестьянъ, почему въ этотъ періодъ времени, съ царствованія Анны Іоанновны, вплоть до 61 года, переселеніе исключительно создавалось помѣщиками, но въ предсмертное время крѣпостнаго права оно замѣтно ослабло. Хотя въ тотъ же періодъ времени и существовало еще частію свободное переселеніе дворянскихъ и государевыхъ крестьянъ и правительство принимало въ немъ участіе, но оно было настолько мало, что осталось не замѣченнымъ.

Съ уничтоженіемъ же крѣпостныхъ отношеній переселеніе крестьянъ въ Уфимскую губернію представляетъ уже постоянное явленіе и это-то время, къ которому относится и настоящее изложеніе, я назову *последнимъ свободнымъ періодомъ переселеній*.

Оставляя въ сторонѣ причины, заставляющія крестьянъ бросать насиженныя цѣлыми поколѣніями мѣста, свои родныя излюбленныя гнѣзда, продавать за безцѣнокъ свои дома и хозяйства и идти, нерѣдко, съ громадными, лишеніями въ чуждый и совершенно невѣдомый для нихъ край, я могу только подтвердить, что главными причинами переселеній служатъ: во-первыхъ — малоземелье, во вторыхъ — безцѣлье, третьихъ — дурные надѣлы какъ по качеству, такъ и по расположенію, а затѣмъ четвертыхъ — вытекающее изъ первыхъ трехъ причинъ, въ связи съ другими, такое экономическое благосостояніе, которое можно назвать только *экономическимъ рабствомъ*.

Не пускаясь однако въ разсужденія о переселеніяхъ, какъ о социальномъ явленіи, я долженъ здѣсь напомнить только взглядъ на это покойнаго князя Васильчикова, что переселенія есть нашъ *соціальный недугъ* и своимъ появленіемъ доказывающія трудно излѣчимую болѣзнь нашего социальна-экономическаго строя.

Переходя затѣмъ къ причинамъ заселенія Уфимской губерніи и всматриваясь въ эти причины, становится весьма очевиднымъ и явленіе переселенцевъ здѣсь вполне естественнымъ, потому что громадные пространства свободныхъ земель еще съиздавна привлекали сюда крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Но не одна только свобода пространствъ влегла и влечетъ теперь переселенцевъ, а существуютъ еще и другія причины: дешевизна продажныхъ и арендныхъ цѣнъ; выгодныя почвенныя и климатическія условія; обиліе лѣсовъ и возможность, при крайне слабомъ развитіи промысловъ и ремеселъ въ губерніи, получить хорошій заработокъ. Эти условія дѣлали то, что крестьяне, въ особенности вятскіе, часто являлись сюда